

ДИАЛОГ В НАУКЕ И ОБЩЕСТВЕ

О.Н. ЯНИЦКИЙ

Диалог науки и общества*

В ряде статей, посвященных проблеме диалога в современном обществе, рассматривались характер и динамика внутринаучной коммуникации [Олейник, 2004; Фрумкина, 2004]. Однако эволюция структур коммуникации между наукой и обществом представляет не меньший интерес. В особенности если это касается научных дисциплин, находящихся в стадии формирования. Рассмотрим эту эволюцию на примере комплекса инвайронментальных наук (*environmental sciences*), которые еще не обрели ни канона, ни жестких парадигмальных оснований. Подтверждением тому является факт не устоявшейся самоидентификации этой отрасли знания, которая именует себя то человеческой или социальной экологией, то инвайронментальной социологией, то просто экологией (подробнее об этом см. [Catton, Dunlap, 1978; 1980; Douglas, Wildavsky, 1983; Hannigan, 1995; Irwin, 2001]).

До конца 1980-х гг. при изучении и решении экологических проблем преобладала достаточно жесткая "вертикальная" схема взаимодействия между наукой и практикой, то есть между производством экологических знаний, их распространением и практическим применением. Схематично эту "вертикальную" цепочку можно представить следующим образом: "научные институты – институты обучения и образования – организации, распространяющие экологические знания – их практическое применение учреждениями и организациями, занимающимися охраной природы".

В данной схеме присутствовал институт "общественности", но и внутри него тоже существовала "вертикальная" связь между научной общественностью, концентрировавшейся вокруг Московского общества испытателей природы (МОИП) и Географического общества СССР (ГО СССР), и массовыми организациями рядовых граждан (Всероссийское общество охраны природы, любительские объединения, кружки и т.п.). "Горизонтальные связи" на всех обозначенных выше уровнях были слабыми или отсутствовали вовсе. Иными словами, в советскую эпоху существовало четкое разделение на производителей экологического знания и его пользователей.

Существовал ряд причин многолетней устойчивости этой схемы. Во-первых, она соответствовала традиции эпохи Просвещения, согласно которой развитие науки выступало и двигателем, и мерилom социального прогресса. Позже это высокое доверие сохранялось потому, что наука очевидно способствовала (форсированной) модернизации советского общества.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (грант № 04-03-00499а).

Во-вторых, данная схема в принципе соответствовала духу и букве тоталитарного и авторитарного обществ. В сознании ученых, равно как и в массовом сознании, культивировалось представление о науке как социальном институте, генерирующем "абсолютные" истины, которые затем тиражируются, распространяются и используются обществом. Ученые составляли одну из важнейших социальных элит этих обществ. В политической жизни названная "вертикаль" отображалась в лозунге "наука – практика".

В-третьих, "вертикальная" схема отражала реальную практику форсированной модернизации: государство было заинтересовано в максимально коротком пути от теории к практике, что обеспечивало его экономическую и военную мощь. Побочными эффектами научных открытий мало кто интересовался, а отказ отдельных ученых от разработки высоко рискованных веществ или технических систем (оружия массового поражения и др.) рассматривался как предательство национальных интересов.

Сегодня положение существенно изменилось. Во-первых, оказалось, что "истин" может быть несколько. Во всяком случае возможны альтернативные подходы, концепции и практические решения. Кроме того, выяснилось, что в ходе общей демократизации социальной жизни общества источником нового, в том числе экологического, знания являются не только научные учреждения. Во-вторых, вследствие целого ряда причин – накопления негативных последствий от реализации крупнейших открытий в области точных и естественных наук, осознания факта политической ангажированности отдельных исследователей и целых научных коллективов, роста уровня образованности и информированности общества, в том числе в результате распространения экологических и иных знаний через Интернет, – произошло резкое снижение уровня доверия к науке.

В-третьих, произошла диверсификация системы научного производства. Наряду с сохранением сети академических и ведомственных научных институтов (которые, как выясняется, все менее успевают за стремительно изменяющейся практикой), быстро развивается сеть научных ячеек в университетах и других учебных заведениях. "Вертикаль" наука–практика таким образом была нарушена. Вместе с тем, в ходе формирования гражданского общества сложилась внегосударственная сеть исследовательских центров и малых групп. Этот принципиальный сдвиг в организации научного производства имел далеко идущие последствия для самой науки, потому что эти центры и группы стали обслуживать интересы общества *непосредственно*, то есть минуя государственные структуры.

В-четвертых, меняется сама "парадигма" взаимоотношений между наукой и практикой, наукой и политикой. Сегодня ученые, политики и эксперты, вовлеченные в процессы глобализации и европейской интеграции, серьезно озабочены взаимодействием науки и политики, науки и повседневных социальных практик. Это вопросы доверия к науке, роли эпистемных, то есть политически влиятельных, научных сообществ в формировании политической повестки, воздействия научного знания на образ мыслей и поведение рядовых граждан. Возникло даже новое понятие: общественно-научные исследования [Rueschemeyer, Skocpol, 1996; Abelson, 1996; Рич, Кент, 2003; Стрежнева, 2003].

В связи с этим политологи и политические аналитики уже давно предлагают различать "прикладные (политические) исследования", которые производятся учеными и экспертами, и "обычные знания", то есть несистематизированную информацию, поступающую от некомпетентных акторов [Shick, 1991]. К тому же, как выяснилось, мотивация и политическая аргументация этих "некомпетентных" акторов изучена гораздо менее, чем таковая у политиков [Kempton, Boster, Hartley, 1996].

Наконец, в-пятых, методологически и теоретически оказалось необходимым отказаться от противопоставления общества и природы – есть социализированная природа и "биологизированное" общество, что, собственно говоря, и послужило главным стимулом к развитию комплекса инвайронментальных наук.

Отмечу несколько ключевых для обсуждаемой темы моментов. Первый – *социальная обусловленность экологического знания*. Как показали исследования, и прежде всего в области социологии знания, производство научного знания существенно зависит от политических, экономических и социальных факторов, в частности от той роли, которую играет гражданское общество в принятии решений. То, что обычно преподносилось обществу как "объективное знание" о мире природы и его взаимодействии с обществом, на деле неизбежно основывается на социальных и институциональных суждениях. Со своей стороны, государственные и иные институты не просто получают (реагируют на) советы инвайронментальных наук, но играют важную роль в определении того, что является "истиной" для конкретного случая принятия решения. Так что отбор рисков (потенциальных опасностей) для "принятия мер" осуществляется как научными, так и ненаучными силами.

Второй принципиальный момент – существование *локального или "ситуативного" знания*, которое, будучи основано на иных, нежели экспертное знание, основаниях, представляет собой чрезвычайно важный местный когнитивный ресурс. Как правило, ситуативное знание базируется на местной культуре и повседневных практиках, а не налагается "сверху". Иными словами, мнение местных экспертов должно быть принято во внимание.

Как подчеркивал У. Бек, то, что ученые именуют "скрытыми побочными эффектами" и "недоказанными зависимостями", для местных жителей означает кашляющих детей, которые болевают во время тумана, а их дыхание становится затрудненным и хриплым. "Побочные эффекты" имеют лица, голоса, глаза и слезы. Для них риски – не просто риски, но болеющие и страдающие дети. Поэтому люди сами становятся маленькими альтернативными экспертами в отношении рисков модернизации. Эти риски, за которые нет ответственных в высокопрофессионализированном обществе, наконец находят своих адвокатов. Именно родители начинают собирать факты относительно рисков. "Белые пятна" модернизационных рисков, которые для официальных экспертов чаще всего остаются "невидимыми" или "недоказанными", быстро обретают форму и значение в руках местного населения [Beck, 1992, p. 61].

Если мы принимаем эту точку зрения, то и "масштаб" искомого инвайронментального знания должен быть иным. В отличие от профессиональных экспертов, дающих знание только о текущей ситуации или, гораздо реже, о ближайших переменах, местное население хочет обладать знанием, соизмеримым с их жизнью, жизнью их детей и внуков.

Существенно также, что "научное" знание выступает антитезой контекстуальному. В то время как язык науки делает акцент на обобщениях, фактах и необходимости "объективности", контекстуальное знание придает значение местным факторам, личным точкам зрения, субъективному восприятию и способности людей соединять вместе различные факторы воздействия, то есть является комплексной оценкой ситуации [Irwin, 2001, p. 107].

Третий принципиальный пункт – иной, нежели ранее, *механизм производства инвайронментального знания*. Знание не производится где-то там "наверху", а потом спускается "вниз". Оно конструируется, создается, формируется *в ходе диалога* ученых, властей и населения. Знание, пишет А. Ирвин, не должно рассматриваться как статическая или фиксированная категория. Скорее, оно представляет собой процесс конструирования смыслов внутри некоторого социального и личностного контекста. Чтобы реализовать эту гуманистически ориентированную цель, необходимо следовать методологическому императиву социологии научного знания – "следуй за актором" [Irwin, 2001, p. 96].

Адвокаты и защитники

Адвокативная наука – исследования и разработки, имеющие своим адресатом некоторого субъекта действия, будь то человеческое сообщество или природная экосистема. Эта наука охватывает широкий спектр действий, начиная от борьбы за соблюдение прав граждан и природных систем, независимой научной (общественной) экспер-

тизы, через исследования и разработки конкретных (локальных, частных) проблем человеческих сообществ и экосистем и вплоть до выдвигания альтернативных существующим методологическим и теоретическим подходам концепций и парадигм. Иными словами, адвокативная наука возникает на основе взаимопонимания и взаимного доверия ученых и гражданского общества, и в этом смысле она противостоит отчужденной "большой науке".

Всякое знание двойственно по своей природе: потенциально оно есть одновременно сила созидаящая, защищающая и разрушающая, уничтожающая. "Большая наука" чаще всего производит в обществе "точечный" эффект (новое лекарство, материал, оружие и т.п.), тогда как адвокативная исследует и пытается найти способы элиминирования средовых, то есть отдаленных, рассеянных в пространстве и трансформированных во времени последствий некогда произведенного "точечного" эффекта.

В отличие от "большой науки", адвокативная всегда имеет социальный заказ "снизу". Поэтому она не укладывается в классическое понимание науки как системы всеобщего труда, продуцирующей "истинное" знание, которое потом тиражируется и используется в самых различных областях социальной практики, институционализируясь в конечном счете в виде канонических образцов (картин мира, научных школ, учебников). Цель адвокативной науки – не только истина, но и конкретная общественная польза. Тем не менее эта наука способна продуцировать, а чаще – использовать уже готовое знание, вполне отвечающее высоким стандартам "научности". То есть обладает способностью транслировать научное знание в заинтересованные в нем общественные структуры. В этом смысле адвокативную науку можно определить как адекватное применение научного знания в нужное время и в нужном месте.

Отмечу в этой связи некоторые отличия официальных экспертов от адвокатствующих ученых, то есть ученых, представляющих интересы конкретных социальных субъектов (протестных групп, гражданских инициатив, неправительственных организаций). Первые дают заключения "вообще", тогда как вторые по конкретному случаю и к заданному сроку. Эксперты говорят на своем профессиональном языке, тогда как вторые способны переводить свои заключения на общедоступный и политический язык. Первые, как правило, дают разовое заключение (оценку, реже – прогноз), тогда как вторые, выражаясь языком профессиональных адвокатов (юристов), буквально "сидят в процессе". Иными словами, адвокатствующие ученые длительно и глубоко вовлечены в процесс развертывания некоторого социального конфликта. Наконец, если первые ограничиваются письменным заключением (отчетом, рекомендациями), то вторые обязаны быть хоть немного политиками, уметь излагать свою позицию в СМИ и принимать участие в публичных дебатах.

Место в пространстве научной деятельности

Адвокативная наука – не отдельная дисциплина или отрасль научного знания, а характер, направленность научной деятельности. Поскольку эта направленность детерминирована этической мотивацией, теоретически всякий ученый может быть вовлечен в подобную деятельность. Фактически, однако, адвокатами от науки становились прежде всего историки, этнографы, краеведы, а также географы, биологи, врачи, прежде всего эпидемиологи, и геологи, поскольку их исследовательская деятельность (в противовес "лабораторной науке") связана с "местом" в его историческом и пространственном понимании, с конкретной биосоциальной средой. Адвокативная наука – это скорее наука *in vivo* чем наука *in vitro*.

Источником формирования, *порождающей средой* для адвокативной науки в России была интеллигенция, то есть группы и сообщества ученых, чувствующих свою гражданскую ответственность перед людьми и обществом. Более конкретно – осознающих необходимость экономических и социальных перемен в российском государстве и обществе. Это были ученые – активисты земского движения, краеведческого и природо-

охранного движений, а в наше время – ученые, эксперты и участники тысяч гражданских инициатив, дискуссионных политических клубов и социальных движений.

В собственно *научном плане* появление на общественной арене такого рода исследований означало признание разнообразия социальной и природной среды, не описываемого несколькими простыми правилами или принципами. Точнее, этих принципов оказывалось недостаточно для производства знания, адекватного конкретному социальному заказу. Этот тезис не является основанием для квалификации адвокативной науки как постмодернистской. Он лишь подчеркивает тот факт, что продуцируемые наукой знания должны быть "глокальными", то есть сочетать общенаучные законы со знанием конкретной ситуации.

Для адвокатствующего ученого "истина" – не только научная модель изучаемого субъекта, но и вовремя выявленный порожденный ею риск. На их основании можно вычислить масштаб грозящей опасности и разработать меры по его сокращению (смягчению). То есть для него характерна аксиологическая ориентация на фундаментальные вопросы безопасности, сохранения устойчивости природных и социальных систем. Истина здесь неразрывна с понятием блага.

Всегда существует разрыв между реальным исследовательским процессом и устоявшимися нормами научного действия (образцами). Реальный исследовательский процесс всегда многовариантен, полипарадигмален. Как подчеркивал Т. Кун, существует различие между универсальным смыслом парадигмы, то есть совокупностью знаний, признаваемых всем научным сообществом, и локальным смыслом, связанным с дисциплинарной организацией данного научного сообщества. Если ценности Кун называет "третьим видом дисциплинарной матрицы" [Кун, 1977, с. 212, 241], то в случае адвокативной науки этот вид является первым и определяющим. Возможно, что тот разрыв, который сегодня постоянно обнаруживается между нормами познавательного процесса и "отклоняющимся" поведением ученых, свидетельствует о необходимости пересмотра прежнего нормативного "этоса".

Ту же мысль можно выразить по-иному. Если ученые от Р. Декарта до Р. Мертон исповедовали идею "организованного скептицизма" по отношению к "ставшему", канонизированному знанию, так называемому императиву внутреннего сомнения, то адвокатствующие ученые часто выступают в роли маргинализированных критиков существующей дисциплинарной организации науки. Фактически именно данному направлению исследований более всего присущ принцип "радикального сомнения" (Бек).

В *политическом плане* адвокативная наука необязательно придерживается какой-то конкретной идеологии, но по своему существу – это демократически ориентированная наука, поскольку производимое ею знание используется различными группами гражданского общества как ресурс и политический инструмент для защиты своих интересов от нажима властных и других силовых структур. Особо отмечу ее интерпретативную функцию, заключающуюся в политической интерпретации научного знания (наложение запретов, выдвижение ограничений на текущую политическую практику, изменение законодательства). Эта наука обладает политической функцией еще и потому, что реализация предлагаемых ею решений требует в конечном счете перемен в системе политических институтов общества, как правило, в сторону усиления низовой самоорганизации.

Адвокативная наука *социально ориентирована*, поскольку производит необходимый научный продукт в ответ на социальный заказ конкретного сообщества. Но также она дает иное видение как ситуации в обществе, так и иерархии ее насущных проблем. То есть является инструментом для улучшения качества жизни или среды обитания конкретного сообщества. В *институциональном плане* адвокативная наука, как правило, находится вне существующих институциональных структур, что предоставляет ей более широкие возможности для поиска ресурсов, информации, связей поддержки и т.д. Но одновременно она подвержена гораздо большему риску из-за отсутствия институционального прикрытия. Поэтому она чаще всего возникает в усло-

виях социальных трансформаций, когда институт науки ресурсно ослаблен и политически маргинализирован.

В *социокультурном плане* адвокативная наука представляет собой генератор импульсов для изменения общественного дискурса. Другая ее функция – связь процессов социального познания с быстро изменяющимся социокультурным контекстом. В этом смысле ее функция – критическая. Но есть и отличие. Если представители "большой науки" все более убеждаются в социокультурной детерминации процесса научного познания, то представители адвокативной фокусируют внимание на влиянии "глокального" знания на политические процессы. Сам факт обоснования существования "глокального" знания как элемента культуры является ее сверхзадачей.

Исторические корни

В западной социологии и политических науках тема адвокативной науки возникла в связи с переходом от Первого ко Второму Модерну, в частности она тесно связана с растущим недоверием населения стран Запада к Большой Науке, с проблемой безответственного использования научных разработок во вред массовому потребителю, с неспособностью и нежеланием ученых предвидеть отдаленные последствия своих открытий (в области геномной инженерии, "неожиданное" возникновение новых массовых эпидемий типа "коровьего бешенства", против которых у науки нет антидота, и др.). Отсюда другой ход – к опасности развития субполитики [Beck, 1992], то есть политики, осуществляемой не легитимными властными структурами (парламентом, политическими партиями), а сектами и корпоративными группами.

Мощным стимулом к развитию адвокатствующей науки в меняющейся России стал "проект" как форма организации научного исследования, ориентированная на решение четко очерченных, краткосрочных прикладных задач, так или иначе связанных с политикой. Собственно говоря, проект и есть центральный функциональный элемент субполитики и одновременно организационная структура воспроизводства личностного (группового) потенциала научного работника.

Сегодня есть еще один стимул к формированию адвокативного знания – "индивидуальный жизненный проект". С одной стороны, потребности населения мало-помалу индивидуализируются – индивидуализируется и их непосредственная жизненная среда. Это очень важный процесс, тесно связанный с процессами идентификации социального индивида. С другой стороны, индивидуализируются и жизненные проекты самих ученых, часть из которых видит смысл своей жизни в защите конкретных человеческих сообществ или участков природы, подвергающихся сегодня всевозможным рискам.

Наука в СССР была государственной, то есть одним из механизмов всеобъемлющей машины государственного регулирования "сверху". Поэтому она не была готова ответить на вызов появления гражданского общества – общества, состоящего из индивидов, малых групп и их горизонтальных сетей. Для такого ответа на заказ "снизу" у старого научного сообщества не было ни научного, ни организационного опыта, ни ресурсов, ни каналов трансляции "вниз", ни методов социальной интерпретации абстрактного научного знания.

В условиях произошедшего в России развала "большой науки" и соответствующих научных школ, невостребованности уже накопленного фундаментального знания значительная часть научных работников России перешла на работу в неправительственные организации (НПО) или, формально оставаясь членами научных институций, унаследованных от прошлого (университетов, научно-исследовательских институтов), обслуживает эти НПО в качестве независимых экспертов. Это и есть одна из форм общественной (социальной) адвокатуры, осуществляемой отдельными учеными или их малыми коллективами.

Причин ускоренного формирования ячеек адвокативной науки в "переходной" России было несколько. Во-первых, открывались возможности реализации накопленного интеллектуального потенциала, всего того, что раньше шло "на полку". Во-вторых, в

условиях экономического хаоса и политической нестабильности создавалась социальная ниша одновременно и для творчества, и для материального обеспечения семьи и близких. В-третьих, появились новые возможности для самоорганизации, деятельного, инициативного поведения и, как оказалось, для пополнения своего интеллектуального потенциала.

Весьма мощным стимулом к развитию данной формы научной деятельности были интересы Запада, который хотел от России "сразу всего", то есть иметь контролируемый им эшелон формирования гражданского общества; через рассматриваемые сообщества продвигать в Россию и страны СНГ международные экологические и иные стандарты; иметь своих лоббистов в формировании властных, особенно низовых, структур; иметь механизм для селекции и последующей откатки интеллектуальных ресурсов – как в форме моделей инновативной деятельности, так и в виде самих ученых, мигрирующих на Запад.

Другой, наиболее яркий пример изменения характера функционирования научного знания в обществе и, следовательно, изменения структурной организации процесса научного производства – совмещение научным работником нескольких функций: собственно исследовательской работы, функций адвокатствующего эксперта, просветителя и непосредственного участия в (право) защитной деятельности. Наличие подобной адвокативной функции научного работника означает изменение системы его ценностных ориентаций и, соответственно, круга общения, размежеваний на "мы"–"они" и т.д.

Эти и им подобные изменения, до сих пор мало изученные как отечественной, так и западной социологией, являются одновременно индикаторами существенных сдвигов в современной российской культуре. По моему мнению, сообщество, представляющее собой адвокативную науку, может быть рассмотрено как специфическая субкультура – не только внутри собственно научного производства, но и в более широком культурном смысле.

Социальная направленность

Социальная направленность данного вида научной деятельности в России имеет несколько корней. Во-первых, источником ее возникновения и развития была критическая составляющая гуманитарных наук, хотя формы социальной критики необязательно были связаны с конкретным социальным или природным объектом. Другой ее источник – широко распространенная в XIX – начале XX в. просветительская ориентация научной деятельности. Распространение и популяризация знаний в среде "необразованных классов" в конечном счете вело к "привязке" этих знаний к проблемам жизни конкретных слоев и социальных групп. Третьим источником была непосредственно политическая деятельность ученых, которые не только совмещали исследовательскую работу с публичной деятельностью, но и прямо участвовали в работе политических организаций.

И еще один важный момент. В процессе социальной дифференциации российского социума общественная мысль эволюционировала в двух направлениях. Одни теоретики продолжали выдвигать концепции общественного переустройства, тогда как другие выдвигали теории и модели, относящиеся к определенным уровням общественного устройства (крестьянская община, местное самоуправление) или же к конкретным социальным группам (мигранты из села в город, инородцы, безземельные, переселенцы) или сообществам (этнические сообщества, артельные организации, религиозные секты).

Параллельное развитие экологических представлений (экосистемного видения мира) в естественных (Э. Геккель) и гуманитарных (Г. Спенсер, О. Конт) науках вскоре замкнуло эти две ключевые ветви научного знания на общем объекте, именуемом социально-экологической системой. Иными словами, сформировался качественно новый субъект-объект, живой организм во взаимодействии со средой обитания. Соответственно, возникла и научно-практическая задача: поддержание сосуществования конкретных человеческих сообществ и природных экосистем в их постоянном взаимодействии.

Очень важную роль в становлении адвокативной науки сыграла деятельность по охране природы. Существовавшая в течение многих столетий, на рубеже XIX–XX вв. она стала постепенно превращаться в научно обоснованный вид социальной работы – как государственных органов, так и общественных объединений. Энтузиазм ученых и меценатов, создававших первые заповедники в России, носил выраженно защитный характер. Необходимость защиты природы от наступления человека мотивировалась не только научно (сохранение ее эталонов, то есть нетронутых участков природы), но также и социально (для целей просвещения и эстетического воспитания). Уже в наши дни в России появились ростки глубинной экологии, то есть научно-практической деятельности по защите прав живой природы. Возникло экологическое движение, сочетающее в себе исследовательские, просветительские и защитные функции.

Наконец, начало практического функционирования адвокативной науки связано с возникновением во второй половине 1980-х гг. *гражданских инициатив* и социальных движений. Изначально гражданские инициативы имели защитную, то есть именно адвокативную, функцию. Поскольку бюрократия выдвигаемых ими проблем решать не хотела, гражданские инициативы, особенно с началом перестройки, приобрели протестный характер. Но было и другое, не менее глубокое основание возникновения этих инициатив: несколько поколений советских людей накопили огромный потенциал знаний и ноу-хау, который требовал выхода, применения. Советская история знает несколько печальных попыток реализации этого потенциала. Только ослабление государственного контроля за деятельностью местных гражданских организаций и перестроечная гласность создали пространство политических возможностей для социального функционирования науки, то есть для вмешательства социально ориентированных ученых и других профессионалов в публичную жизнь. Однако нужна была инициатива "снизу", чтобы эти два потока замкнулись друг на друга.

Гражданские инициативы выдвигали отдельные конкретные, практические задачи, каждая из которых не требовала от ученых "высокого знания". Так, во всяком случае поначалу, казалось. Проблема была в другом. Совокупное решение множества подобных локальных задач неизбежно привело бы к ломке существующей институциональной организации советского общества, на что партийно-советская бюрократия пойти не могла.

Не следует думать, что обе стороны были заранее готовы к такому сотрудничеству. Аккумулированное учеными знание ("как делать") и сформулированные лидерами гражданских инициатив задачи ("что делать") не всегда приводили к нужному решению. Но существовал ряд важнейших предпосылок для достижения искомого результата.

Во-первых, население и его лидеры доверяли научной интеллигенции. Во всяком случае у местных лидеров была настоятельная потребность в диалоге с учеными, потребность в том, чтобы кто-то их внимательно выслушал. Во-вторых, лидеры гражданских инициатив в своей массе были не только гораздо более образованными, чем местные чиновники, – они владели ситуацией в деталях, знали, что и как можно сделать для ее улучшения даже в рамках существующей политической системы. В-третьих, часть местных общественных организаций была создана самими социально мотивированными учеными или же теми профессиональными практиками, которые находились в постоянном контакте с населением (психологами, врачами, биологами, инженерами-коммунальщиками и просто общественниками), что облегчало налаживание диалога между "высокой наукой" и "прозой жизни". Наконец, участие ученых в местных инициативах создавало объемное, если так можно выразиться, видение проблемы: сразу "сверху" и "снизу" плюс, опять же одновременно, оценивался эффект и его результат (последствия). Антропологизация научного знания шла одновременно с его экологизацией, то есть с исследованием и оценкой его средовых последствий.

Я бы сказал больше. Несмотря на множество ведомственных каналов предоставления общественных благ, советская система обслуживания населения породила феномен "естественной демократии", то есть установки на помощь массовому потребителю. Достаточно вспомнить развитую систему диспансеризации и вакцинации населе-

ния, массовые проверки здоровья на предприятиях, в учреждениях и школах, последующая ликвидация которых обернулась массовыми потерями здоровья и работоспособности людей.

Лидеры некоторых местных клубов (врачи, психиатры) не только владели искусством терапии общения, но и разрабатывали собственные проекты и программы социальной работы. Мои исследования их деятельности показали, что эта ее "терапевтическая" ориентация имеет глубокие семейные корни в XIX в., вплоть до декабристов и сторонников "Народной воли". Я имею в виду не революционные проекты и акции последних, а их позднейшую многолетнюю созидательную работу, о которой мы еще мало знаем [Яницкий, 2003]. Если угодно, адвокативная наука – одна из форм культуры советской интеллигенции второго–третьего поколения. Ирония советской истории: именно эти советские общественники, из какой бы профессиональной группы они ни рекрутировались, тогда в гораздо большей мере были действительными носителями функции *public relation*, нежели современные ведомственные назначенцы, способные лишь "вещать" (= давать публике дозированную информацию), но не общаться, не взаимодействовать с широким кругом специалистов и "людей с улицы". Вообще, современный пиар с его манипулятивной установкой и полным презрением к действительным потребностям "человека с улицы" – антипод адвокативной науки.

Современная адвокативная наука изначально имеет защитную направленность, основанную на взаимном доверии научного сообщества и некоторого социального субъекта. Этическим ориентиром адвокативной науки является не только истина, но и конкретная польза. Вообще, эта наука очень сильно морально мотивирована, так как исходит в своих разработках из принципа общественного блага. К этой форме познавательной-практической деятельности относится и та ситуация, когда ученый сам формулирует социальную задачу (потребность) и организует ее изучение с целью практического решения. Иными словами, у адвокативной науки есть также инновативная функция.

Вообще нельзя сказать, что уровень адвокативной науки заведомо более низок, чем у "чистой", лабораторной. Скорее, речь идет о процессе практической интерпретации знания, полученного самим исследователем. В эволюции научного производства как социального института адвокативная наука выполняет чрезвычайно важную функцию – периодического "возврата" к синкретичности научной деятельности, тестирования и обогащения этого знания путем помещения его в многомерный и постоянно меняющийся контекст.

Типы ученых-адвокатов

Основываясь на материалах прошлых исследований группы социально-экологических исследований и используя результаты ряда пилотажных интервью, я предлагаю различать пять типов ученых-адвокатов и форм их сотрудничества с гражданскими инициативами, НПО и социальными движениями: 1) нейтральный; 2) понимающий; 3) вовлеченный; 4) партнерский; 5) полностью интегрированный. Рассмотрим степень близости и характер их взаимодействия с названными организациями гражданского общества.

Первый тип – *нейтральный*, или *отстраненный*, – это "сторонний" ученый, которого время от времени различные НПО приглашают выступить в качестве эксперта (консультанта). Мотивы для такого взаимодействия могут быть самые разные, но в любом случае ученый не озабочен проблемами некоторой организации-заказчика как таковой. Обычно это – профессионалы из академических или ведомственных НИИ, которых приглашают в качестве экспертов. Замечу, что государственная экспертиза существовала и в советские времена, так что к началу перестройки корпус экспертов уже существовал. Нейтральные, работая в соответствии с наличными стандартами и/или опираясь на свой профессиональный опыт (прецедент), выдают оценки на своем профессиональном языке, принятом в данной отрасли знания.

Второй тип, *понимающий*, – ученый, который, периодически работая с НПО, начинает вникать и больше понимать проблемы, которые те пытаются решить. Между учеными (или их группой) и НПО возникает контакт, выходящий за пределы конкретной задачи экспертной оценки. Между ними налаживается взаимопонимание, вырабатывается общий язык общения и в конечном счете ученый (до известной степени) проникается заботами активистов.

Тем не менее *"понимающий"* ученый не принимает участия во внутренней жизни и действиях данной организации. По аналогии с исторической ситуацией в СССР/России 1920–1960-х гг. мы можем квалифицировать этот тип как представителя научной общественности, похожего на тех, которые в 1930–1960-е гг. выступали от имени Московского общества испытателей природы или Московского филиала Географического общества СССР.

Третий тип, *"вовлеченный"*, – ученый, который разделяет ценности НПО и систематически с ними сотрудничает, но продолжает оставаться в среде науки как социального института (работник государственного НИИ или университета). Отличительной чертой *"вовлеченного"* типа является не только выполнение им некоторой профессиональной функции (оценка проекта, экспертное заключение), но и заинтересованность в успехе социального действия некоторой конкретной организации. Более того, *"вовлеченный"* уже принимает участие в ее деятельности, хотя, как правило, не является ее членом.

Следующий, четвертый тип, который я обозначил как *партнерский*, представляет собой тех ученых, которые, оставаясь формально в своем учреждении (на кафедре), фактически являются уже активистами НПО и общественных движений. Тем самым *"партнер"* удваивает свою институциональную принадлежность. Формально это выглядит как совмещение научным работником двух и более мест работы или же его периодическое колебание между институтом науки и институтом (ячейкой) гражданского общества. Данный тип ученого можно также назвать маргинальным, поскольку он попеременно решает научные, социальные и организационные задачи. Иными словами, формируется тип ученого-активиста, ориентированного уже не только на защиту данной гражданской организации или социального движения, но и на их институционализацию, пропаганду их целей и ценностей во всем обществе.

Наконец, пятый тип, *полностью интегрированный*, представлен научными работниками, которые, оставив свое место в НИИ или вузе, стали членами (и даже лидерами) гражданских общественных организаций. Такой тип ученого не только владеет необходимыми профессиональными знаниями, но начинает сам вырабатывать их, исходя из стратегических целей конкретных гражданских инициатив или социальных движений. Это – уже *другие знания* (или ноу-хау), которые вырабатываются на опыте российских или зарубежных инициатив и движений. В какой степени он остается *"ученым"* в классическом смысле или это понятие сегодня тоже эволюционирует, еще предстоит выяснить.

"Предельным" подтипом *"полностью интегрированного"* является случай, когда ученый публично отказывается от научной карьеры и становится инициатором и/или организатором социального движения, что является формой наиболее сильной адвокативной мотивации (А. Сахаров, А. Яблоков). В этом случае ситуация *"переворачивается"*: ученый, ставший активистом гражданской организации, начинает формулировать новые требования к *"большой науке"*.

* * *

Итак, в системе *"наука–общество"* происходят серьезные изменения. Все меньше остается *"главных"* центров генерирующих *"окончательные"* решения. Многообразие подходов и практических ситуаций нарастает. Вследствие этого структура коммуникации между наукой и обществом эволюционирует от вертикальной к горизонтальной, от *"реализации"* научной концепции к диалогу, точнее – к многоголосию, в котором

властные структуры и СМИ приобретают все больший вес. Диверсификация системы научного производства проявляется также в растущем множестве исследовательских ячеек, встроенных в структуры гражданского общества.

Вследствие многих причин, но прежде всего из-за растущих потребностей гражданского общества в научном знании, возникла так называемая "адвокативная наука", обслуживающая интересы местных ячеек непосредственно. Растет значимость средового знания, которое придает первостепенное значение местным условиям и интегрированному субъективному восприятию. Это знание конструируется, пересматривается, реорганизуется в процессах диалога науки, властных структур и местного населения. Возникающие в ходе этого диалога типы ученых-адвокатов, хотя и различаются степенью и формами их вовлечения в решение средовых проблем, но имеют общую ориентацию – общественное благо конкретного человеческого сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
- Олейник А.Н. Дефицит общения в науке: институциональное объяснение // Общественные науки и современность. 2004. № 1.
- Рич. Э., Кент У. Пропагандисты и аналитики: "мозговые центры" и политизация экспертов // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 2.
- Стрежнева М.В. В сетях управления // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 2.
- Фрумкина Р.М. Лингвистики и лингвисты // Общественные науки и современность. 2004. № 2.
- Яницкий О.Н. Забытая страница новейшей политической истории России // Pro et Contra. 2003. Т. 8. № 2.
- Abelson D.E. From Policy Research to Political Advocacy: The Changing Role of Think Tanks in American Politics // Canadian Review of American Studies. 1996. № 25.
- Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. London, 1992.
- Catton W.R., Dunlap R.E. A New Ecological Paradigm for Post-Exuberant Sociology // The American Behavioural Scientist. 1980. № 24.
- Catton W.R., Dunlap R.E. Environmental Sociology: A New Paradigm // The American Sociologist. 1978. № 13.
- Douglas M., Wildavsky A. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers. Berkeley (Call), 1983.
- Hannigan J.A. Environmental Sociology. A Social Constructionist Perspective. London–New York, 1995.
- Irwin A. Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge. Malden (Mass.), 2001.
- Kempton W., Boster J.S., Hartley A.J. Environmental Values in American Culture. Cambridge (Mass.), 1996.
- Rueschmeyer D., Skocpol Th. States, Social Knowledge, and the Origin of Modern Social Policies. Princeton (N.J.), 1996.
- Shick A. Informed Legislation, Policy Research versus Ordinary Knowledge // Knowledge, Power and Congress. Washington (D.C.), 1991.